

УДК 327

А. С. Джилаван

*Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара*ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКИЕ ЭФФЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ НЕООСМАНСКОЙ
ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ТУРЦИИ

В данной статье проанализированы основные факторы, которые оказывают воздействие на внутривнутриполитическое развитие Турции в период активной реализации внешнеполитической доктрины «нового османизма» или «неоосманизма». Выявлены наиболее значимые эффекты, влияющие на дальнейшее воплощение турецкой геостратегической доктрины в аспекте ее стремлений установления потенциального регионального лидерства Турции.

Ключевые слова: неоосманизм, внешняя политика Турции, внутренняя политика Турции, турецкий секуляризм, турецкая исламская идентичность, курдский национальный вопрос.

Актуальность данной статьи заключается в широкой заинтересованности мировых экспертных кругов в изучении проблематики эволюции турецкой геополитической концепции, получившей условное название доктрины «нового османизма». Большой интерес, в частности, вызывает процесс формирования баланса основных внутривнутриполитических сил Турции, который претерпел значительную трансформацию в течение последнего десятилетия. Принимая во внимание факт того, что на сегодняшний день Турция представляет собой одного из ключевых региональных игроков, данная тематика в обозримом будущем будет находиться в фокусе повышенного внимания. Основной же **целью** данной статьи является анализ воздействия неоосманской внешнеполитической концепции Турции на ее внутривнутриполитическую обстановку.

В первые годы XXI столетия во внешнеполитической активности турецкой республики можно наблюдать кардинальные изменения. Пересмотр основных геополитических ориентиров и собственной международно-политической позиции непосредственно оказал весьма благоприятное воздействие на имидж Анкары как регионального, так и глобального игрока. Естественно, процесс диверсификации направлений внешней политики турецкого государства в определенной мере проистекал наряду с отказом от Запада как единственного полюса.

По сути, геостратегическая доктрина республиканской Турции претерпела скачкообразный процесс трансформации, который условно можно разделить на три основных этапа: начальный (1923-1947 гг.), послевоенный (1947-1991 гг.) и современный (1991 – до сегодняшнего дня) [1].

На начальном этапе Турция занимала пассивную позицию на международной арене, уделяя подавляющее внимание сохранению страны в новых территориальных границах. Новый курс государственного развития, который был выдвинут первым президентом

Турции Мустафой Кемалем (Ататюрком), был неразрывно связан с такими понятиями как модернизация и вестернизация. Примечательно, что в кемалистской (именно так в дальнейшем стали называть последователей светского режима) трактовке данные понятия сливались в единый феномен. Так или иначе, вестернизация в турецком обществе имеет весьма существенное значение и давние исторические корни. Имплементация западных либерально-демократических ценностей имела приоритетный характер сначала с конца XIX века, а затем – с момента образования турецкой республики в 1923 году набрала еще больше оборотов. Именно с этого времени на протяжении более чем полувека кемализм стал основной идеологической парадигмой, предусматривавшей становление турецкого государства в светском формате, а в роли ее политической платформы начала выступать основанная Кемалем Народно-республиканская партия (НРП).

Второй этап только лишь интенсифицировал вестернизацию Турцию, поскольку после окончания Второй мировой войны Анкара решила пойти путем масштабного интегрирования в западный лагерь. В условиях глобального противостояния двух сверхдержав Турецкая Республика пользовалась обширной экономической и военно-политической поддержкой от США и Европы. В немалой степени этот фактор обуславливался географическим положением Турции, которая была сосредоточена у южных границ СССР.

Третий же этап стал, по большому счету, переломным моментом для Анкары. С одной стороны, после распада Советского Союза роль Турции как одного из ключевых форпостов значительно сократилась, с другой – открывалась весьма перспективная возможность объединения тюркских государств постсоветского пространства под своей эгидой. Как показала историческая практика, каких-либо больших позитивных для Анкары результатов в аспекте пантюркистских стремлений достигнуто не было.

В итоге к 1999 году страна оказалась перед лицом серьезного системного политико-экономического кризиса. Инфляция составляла 50-70 % в год, а внешний долг достиг показателя 100 \$ млрд [2; с. 8-9]. Либерально-националистическая элита, представленная кемалистами и ориентированная на США и Европу, стала резко терять популярность в народе. В сложившейся ситуации показательным примером несостоятельности кемалистской политики выступило то, что турецкие предприятия обладали потенциальной конкурентоспособностью на рынках бывших советских республик, арабских стран и Ирана, связи с которыми ограничил правящий режим [там же]. Подобные условия диктовали безотлагательное принятие кардинальных решений, которые на тот момент, кемалистская верхушка была не в состоянии предложить.

Политическая и экономическая ситуации в Турции вошли в позитивное русло после прихода к власти Партии справедливости и развития (ПСР). Убедительная победа, одержанная ПСР на парламентских выборах 2002 года, выступила доказательством того, что внутривнутриполитическое развитие турецкого государства перешло в качественно иной формат. Дело в том, что главой партии выступал бывший мэр Стамбула, а ныне – премьер-министр Турции Реджеп Тайип Эрдоган. По большому счету, данная политическая фигура представляла собой государственного лидера нового типа, политико-идеологические взгляды которого находят свои корни в умеренном исламском традиционализме, но при этом не входят в конфронтацию с западным вектором турецкой политики. Следует отметить, что государственная деятельность Эрдогана в 90-е годы расценивалась светским режимом как подрывная по отношению к основным принципам секуляризма [3].

Говоря иными словами, с восхождением ПСР на вершину турецкой политической платформы, внешнеполитическая доктрина государства преобразовалась в эффективную многополярную систему, имея в своем основании идеологическую концепцию турецко-исламского синтеза. Под синтезом в конкретном случае речь идет о модели, предложенной Тургуттом Озалом, гармонизирующей идеи национальной и исламской идентичности. Более того, модель Озала апеллировала к историческому наследию и культуре Турции, где очень четко подчеркивалось величие Османского наследия [4; с. 19-22]. Однако прежде чем занять место базиса, идея Озала была переработана в тот вид, в котором она выступает на современном этапе и впоследствии получила от мирового экспертного сообщества наименование концепции нового османизма

или неоосманизма. Архитектором нынешней геостратегической концепции Турции принято считать Ахмета Давутоглу, основные отражения которой зафиксированы в его монографии «Стратегическая глубина: международное положение Турции».

Так, согласно Давутоглу, турецкое государство в силу своего географического положения не может просто расцениваться лишь в качестве моста между Западом и Востоком. По его мнению, Турция – это центральная сила, которая в эпоху многополярности должна полноценным образом обеспечивать национальные интересы страны, не ограничиваясь тем самым лишь европейским и ближневосточным полюсом. Давутоглу поясняет, что турецкую державу ошибочно привязывать к какой-либо регионально-цивилизационной структуре, так как она выходит за ее рамки и представляет собой геополитическую точку соприкосновения нескольких регионов, обладая при этом важной стратегической и регулирующей ролью, придающей Турции, в свою очередь, геополитическую значимость на глобальном уровне. Тем самым, автор «глубины» отвергает мнение, согласно которому Анкара осуществляет функцию «моста» между исламским и западным социокультурными структурами, так как в этом случае страна становится инструментом распространения чужих стратегических интересов. Давутоглу замечает, что Турция – это ближневосточная, балканская, кавказская, центральноазиатская, каспийская, средиземноморская, черноморская и принадлежащая к акватории Персидского залива страна [5; с. 4-6].

Неоосманская доктрина, обосновывая активность Анкары на территории, ранее подвластной Османской империи, часто апеллирует к такому понятию как «историческая общность». Не отрицая того факта, что Турция имеет глубинные исторические и культурные связи с исламским миром, Давутоглу утверждает, что османское и византийское наследие в геокультурном плане неразрывно связаны [6; с. 2].

Следствием такой теоретической интерпретации геополитической позиции Турции стала заметная активизация ее внешней политики на ближневосточном направлении. В первой половине 2000-х годов были заметно улучшены и интенсифицированы отношения с Ираном, Ираком, Сирией, Египтом, Ливией и т.д. В условиях данного развития ситуации возникает вопрос: каким образом неоосманская доктрина повлияла на расстановку политических сил в стране и на ее общественную структуру?

В первую очередь, следует отметить, что с выходом на передовые государственные позиции рейтинг ПСР, посредством принятия

неоосманського видіння вовнешнеполітичеської активності, на протязенні неськільких лет показувать стабільніє показателі рота. На парламентських виборех 2002 года, одержав убедительную победу, ПСР получила 356 мест в Меджлисе, на втором месте оказалась НРП, остальные более мелкие партии не смогли преодолеть установленный 10-процентный барьер [7]. Начиная с данного периода, Партия справедливости и развития уверенно сохраняет подавляющее большинство в парламенте страны, благодаря проведенной ею эффективной экономической политике. Доход на душу населения составляет \$ 4.172 (США в 2003 году имели \$ 3.383). Инфляция в 2004 году составляла около 9,5 % (а ещё в 2003 году была 18,4 %). Экспорт достиг \$ 66,5 млрд, а импорт \$ 97,2 млрд. Доход от туризма составил \$ 12,1 млрд. В 2004 г. Турцию посетило 17,2 млн иностранных туристов. Значительно увеличился приток иностранных инвестиций, что свидетельствует о доверии иностранного бизнеса к турецкому рынку. Золотовалютный резерв увеличился до \$ 45 млн. Успех Турции на поприще экономики признали даже и американские эксперты [там же].

Неоосманская стратегия оказала непосредственное воздействие на важнейший гарант светского режима, который традиционно на протяжении длительного промежутка турецкой истории выступал в лице вооруженных сил. Армия не раз вмешивалась в политическую сферу с целью упразднения угрозы, исходившей от представителей исламистских течений турецкой политики. Военные перевороты, происходившие практически каждое десятилетие, в достаточной степени продемонстрировали весомость военного элемента в государственной конструкции. Парадоксально, но светская элита, ориентированная на интеграцию с Европой, подобными действиями вызывала недовольство европейской стороны, озадаченной правительственными мерами, направленными, фактически, на ограничение процесса демократизации в Турции.

Неудивительно, что правительство во главе с ПСР решило воспользоваться этим обстоятельством, чтобы усилить свои политические позиции в государстве. Были инициированы реформы по демократизации турецкого общества в рамках «Национальной программы выполнения перечня ЕС», которые заметно ослабили роль военных в политической жизни государства [8; с. 32-33]. В результате главный орган политического влияния военных – Совет национальной безопасности (СНБ) – в результате реформ принял намного более «гражданский» образ и лишился значительной части своего влияния. С 2003 года административные реформы отменили условие, согласно которому

генеральным секретарем СНБ являлся действующий генерал (первый гражданский секретарь был назначен в октябре 2004 года). К тому же право секретаря на неограниченный доступ в любую гражданскую организацию или орган власти с целью мониторинга выполнения рекомендаций СНБ также было упразднено [9; с. 12]. Помимо сокращения преференций военной элиты страны были достигнуты прогрессивные результаты по демократическим преобразованиям. В Гражданский кодекс и в закон о прессе вводились смягчающие поправки; официально провозглашалось равенство прав мужчин и женщин; был снят чрезвычайный режим в юго-восточных провинциях страны; провозглашался примат международного права; отменялась смертная казнь и т.п. [10; с. 66].

Тем самым турецкое правительство решило для себя одну из основных задач – устранение серьезного блокирующего фактора на пути практического воплощения нового внешнеполитического курса. Поскольку кемалисты расценивали новые шаги турецкого руководства на международной – в особенности региональной – арене как превращение Турции в исламского актора, то данные тактические маневры, принятые ПСР, вполне оправданны.

Что касается понятия «исламский актор», то здесь необходимо подчеркнуть еще одну важную особенность неоосманской доктрины. Ввиду активизации внешнеполитической деятельности Анкары на восточном направлении необходимо было оперировать не только таким положением как «историческая общность», но и, в том числе, «религиозное единство».

Преследуя цель становления Турции в роли потенциального регионального лидера и перспективного геоэнергетического узла, правящие круги страны выдвинули на передний план в отношениях со странами Ближнего Востока исламскую идентичность. Это, в свою очередь, непосредственно оказало позитивное воздействие на развитие контактов с арабскими странами [11]

Необходимо отметить, что политика «двойных стандартов» или энергичная внешняя политика по направлению «Восток-Запад» характеризует одну крайне немаловажную особенность структуры турецкого общества. Речь идет о таком феномене как двойная идентичность, которая имеет весьма противоречивые тенденции.

С одной стороны, правящие круги Турции подтверждают свою приверженность европейскому вектору развития в аспекте имплементации либерально-демократических ценностей. С другой стороны, этот процесс (демократизация) в рамках видения ПСР неразрывно связан с возвращением прежней роли исламских традиций, которые преобладали в

період існування Османської імперії. В початковий період реалізації політичних програм ПСР можна помітити не реакційну динаміку ісламізації суспільства (ползуча ісламізація) [12; с. 261-263]. На сучасному етапі конкретна тенденція знаходить все більше відображення в суспільному житті. В приклад можна привести обмеження на продаж спиртного і тютюну, заборона на публічні поцілуки і абортів і т.п. [13].

Високу напруженість серед населення країни (в більшій частині молодіж) викликає це обставина, що сприяючі посиленню ролі релігії заходи уряду відбуваються паралельно з ліквідацією військового корпусу (справа «Ергенекон» 2007 року) і повністю відкритою стратегією дискримінації представників кемалізму (в першу чергу НРП, яка має достатньо велику частку підтримки народу) [там же]. Недавні хвилювання, виникли на фоні загальної напруженості в регіоні, в повній мірі продемонстрували недовіду турецького суспільства, здійснюваною політикою. Однак внаслідок відсутності дійсної політико-державної альтернативи і слабкості Народно-республіканської партії протестне рухання мало дуже розривану і хаотичну форму, не маючи якої-небудь конкретної політичної платформи.

Достигнення досить-таки продуктивних результатів неосманська доктрина змогла забезпечити в питанні взаємодії з національними меншинами Турції, зокрема з курдами.

Проблема курдського сепаратизму вже дуже довгий час представляє загрозу територіальній цілості Турції. Світський режим кемалістів віддавав перевагу використанню жорсткого варіанта рішення даного питання, не надаючи жодного дипломатичного і політичного інструменту. Слідом за ситуацією крізь призму неосманського бачення регіональної стратегії, нинішнє турецьке уряду вирішило йти шляхом, який був позначений Тургуттом Озалом.

В своїй книжці під назвою «Турція в Європі і Європа в Турції», опублікованої в 1991 році, Озал висунув таке поняття як «анатолійська цивілізація». Згідно з його думкою, культурна історія Анатолії, разом з давньогрецькими колоніями, римськими провінціями, Візантійською імперією – турецьке спадщина. «Принцип крові» і лінгвістичної близькості відкидається Озалом заради «принципа ґрунту», йому важливо цивілізаційна спадщина і спорідненість з регіональними культурами. Також помітно, що при Озале курди перестали називатися «горними турками» і визнали наявність курдської мови в Турції

[14]. Були встановлені робочі стосунки з лідерами іракських курдів, яким навіть було надано право подорожувати з турецькими дипломатичними паспортами [там же].

Аналогічними методами в національній політиці керується і урядом в союзі з правлячою партією. Неосманська доктрина не отрицать культурної самобитності курдського етносу. Глибоке взаємодія між турецьким урядом і курдами в результаті позитивно сказалося на встановленні стосунків з Північним Іраком, який на даний момент знаходиться під контролем іракських курдів. Наближення стосунків вигідно тим, що в північній частині Іраку знаходиться нафтоносна столиця країни – Ербиль. Підприємство в даному руслі національної політики правлячого режиму ПСР сприяло тому, що значительна кількість курдів, проживаючих в «зеленому поясі» турецького Курдистану (наприклад, місто Газиантеп в провінції Ван) підтримує Партію справедливості і розвитку [9; с. 23-24].

Однак, незважаючи на великі досягнення в сфері внутрішньої політики держави, існує ряд негативних факторів, які серйозно підіривають ефективність неосманської стратегії. Найбільш дестабілізуючим обставиною в даному контексті є громадянська війна в Сирії. Говорячи про сирійському питанні, необхідно підкреслити, що воно впливає по двом основним напрямкам. По-перше, народне незадоволення підігривається зайнятою по відношенню до режиму Дамаску офіційною позицією властей, виявляючи перевагу воєнному рішенню і підтримувана всього лише 28% населення [15]. По-друге, політика Анкари по сирійському вектору надає безпосереднє вплив на курдський питання.

Заявлення про припинення озброєного варіанта ведення боротьби Робочою Партією Курдистану (РПК) стало значительним досягненням турецької дипломатії. Недавно турецьким властям вдалося досягти угоди по обоюдному висновку воєнних груп як курдських, так і турецьких озброєних сил з південних приграничних територій. Однак надавана Турцією підтримка Свободної сирійської армії (ССА) безпосередньо погіршує процес встановлення позитивних контактів з представниками РПК. Недавнє заявлення голови виконкома політичного крила РПК Дж. Байбака, зроблене 5 вересня 2013 року, пряме тому підтвердження. Він висловив: «Це говорить про те, що Турція не зацікавлена в регулюванні. Ми зупиняємо висновок і будемо себе захищати. Якщо вони посилять атаки на нас, ми повернемося».

обратно группы, которые ушли ранее в Северный Ирак» [16]. В данной ситуации дело осложняется тем, что 2 августа турецкий суд отказал лидеру курдских сепаратистов А. Оджалану, отбывающему пожизненное тюремное заключение, в пересмотре и прекращении его дела. Вдобавок ко всему, 10-процентный барьер блокирует нормальное функционирование Партии мира и демократии (ПМД) – политического союзника РПК.

Таким образом, доктрина нового османства предложила абсолютно иное внешнеполитическое видение не только региональной и глобальной позиции Турции. При этом, как и любая геостратегическая концепция, неоосманство оказывает воздействие на внутривнутриполитическую обстановку в турецком государстве. Подводя итог, можно обозначить следующие **выводы**:

- неоосманская доктрина позволяет обеспечивать правящей Партии справедливости и развития твердую социальную опору;

- с началом реализации неоосманской внешнеполитической концепции правящая Партия справедливости и развития смогла обеспечить для наиболее твердую и властную государственную позицию при отсутствии явных политических соперников (за исключением НРП);

- неоосманская доктрина позволила упразднить основной внутривнутриполитический барьер, каким он являлся при преобладании кемалистского режима для нынешнего правительства – военную элиту;

- новый внешнеполитический курс Турции обеспечил эффективную политико-идеологическую платформу в виде умеренного исламского традиционализма с поддержкой европейского вектора. При этом правящая власть демонстрирует потенциальную возможность оптимальной совместимости исламских и демократических постулатов;

- новый подход к решению региональных вопросов позволили оптимизировать диалог с представителями курдского национального меньшинства, выводя двусторонние отношения на новый уровень;

- помимо позитивных моментов, также существует явная угроза дестабилизации проводимого курса, что может оказать сильное негативное воздействие на внутривнутриполитическую обстановку в стране (это, в свою очередь, требует пересмотра ряда подходов Турции к решению ближневосточной политики в условиях общей напряженности).

Библиографические ссылки

1. Turan I. Turkish Foreign Policy: Interplay Between the Domestic and External [Электронный ресурс] / I. Turan // Carnegie Endowment for International Peace. – September 21, 2011. – Режим доступа : <http://carnegieendowment.org/2011/09/21/turkish-foreign-policy-interplay-between-domestic-and-external/57rc>.

2. Сотниченко А.А. Турция: геополитическая ось Евразии / А.А. Сотниченко // Геополитика: информационно-аналитическое издание / глав. ред. Савин Л.В. – Вып. IX. – 2011. – 126 с.

3. Cook S.A. Keep Calm? Erdogan: Why the Prime Minister Has Nothing to Fear [Электронный ресурс] / S.A. Cook // Foreign Affairs. – June 3, 2013. – Режим доступа : [http://www.foreignaffairs.com/articles/139432/steven-a-cook/keep-calmerdogan.](http://www.foreignaffairs.com/articles/139432/steven-a-cook/keep-calmerdogan;);

4. Karakas C. Turkey: Islam and Laicism Between the Interests of State, Politics, and Society / C. Krakas. – Frankfurt : PRIF, 2007. – 41 с.

5. Grigoriadis L.N. The Davutoglu Doctrine and Turkish Foreign Policy. / L.N. Grigoriadis. – Athens : Bilkent University/ELIAMEP, 2010. – 17 с.

6. Taspinar O. The Tree Strategic Visions of Turkey [Электронный ресурс] / O.Taspinar // USEurope Analysis Series. – No. 50. – 2011. – Режим доступа : http://www.brookings.edu/~media/research/files/papers/2011/3/08%20turkey%20taspinar/0308_turkey_taspinar.pdf

7. Милошевич З. О политике Партии справедливости и развития Турецкой республики [Электронный ресурс] / З. Милошевич. – Режим доступа : http://ruskline.ru/analitika/2010/8/23/o_politike_partii_spravedlivosti_i_razvitiya_tureckoj_respubliki/

8. Aybey A. Turkey and European Union Relations: Historical Assessment / A. Aybey // Ankara Avrupa Calismalari Dergisi. – Vol. 4. – № 1. – 2004.

9. Турция: новая роль в современном мире / [Кононов В.И., Стегний П.В., Васильев А.М. и др.] ; под ред. Вартазарова Л.С. и Стегния П.В. – М. : ЦСА РАН, 2012. – 80 с.

10. Сочнева И.А. Проблемы и перспективы вступления Турции в ЕС / И.А. Сочнева // Вестник международных организаций. – №1. – 2011. – С. 61–71.

11. Стародубцев И. И. Некоторые теоретические подходы к формированию турецкой внешней политики в Центральной Азии в монографии А. Давутоглу «Стратегическая глубина» [Электронный ресурс] / И.И. Стародубцев. – Режим доступа : <http://iimes.ru/?p=14891>.

12. Yavuz H. Islamic Political Identity in Turkey / H. Yavuz. – New York : Oxford University Press, 2003. – 342 с.

13. Глазова А.В. Турция между «заветами Ататюрка» и исламизацией [Электронный ресурс] / А.В. Глазова. – Режим доступа : <http://www.riss.ru/index.php/my-v-smi/2104-turtsiyamezhdu-zavetami-ataturka-i-islamizatsiej#.UoWIpfmLi58>.

14. Бахревский Е. Политика «нового османства» Турции и постсоветское пространство [Электронный ресурс] / Е. Бахревский. – Режим доступа : <http://www.regnum.ru/news/1467970.html>.

15. Jones S. How the War in Syria has Helped Inspire Turkey's Protests [Електронний ресурс] / S. Jones. – Режим доступа: http://www.foreignpolicy.com/articles/2013/06/11/how_the_war_in_syria_has_helped_to_inspire_turkeys_protests?page=full.

16. Об изменениях в военно-политической обстановке на Ближнем Востоке и в Северной Африке (2-8 сентября 2013 года) [Електронний ресурс]. – Режим доступа : <http://www.iimes.ru/?p=18181>.

Джилавян А. С. Внутрішньополітичні ефекти реалізації неоосманської зовнішньої політики Туреччини.

У даній статті проаналізовано основні чинники, які впливають на внутрішньополітичний розвиток Туреччини в період активної реалізації зовнішньополітичної доктрини «нового османізму» або неоосманізму. Виявлено найбільш значущі ефекти для подальшого втілення турецької геостратегічної концепції в аспекті її прагнень установа

потенційного регіонального лідерства Туреччини.

Ключові слова: неоосманізм, зовнішня політика Туреччини, внутрішня політика Туреччини, турецькій секуляризм, турецька ісламська ідентичність, курдське національне питання.

Dzhilavyan A. Internal political effects of implementation of Neo-ottoman Turkish foreign policy.

The main factors which have an influence on Turkey's domestic politics development while Neo-ottoman geopolitical doctrine realization process period have been analyzed. The most important effects for the future functioning and Turkish regional leadership program have been detected.

Keywords: Turkey's foreign policy, Turkey's domestic politics, Turkish secularity, Turkish islamic identity, Kurdish national question.

Надійшла до редколегії 23.02.2014 р.

УДК 323.1(94.478)

О. Ю. Докаш

Чернівецький торговельно-економічний інститут Київського національного торговельно-економічного університету

КАДРОВА ПОЛІТИКА ФОРМУВАННЯ ОРГАНІВ ВЛАДИ ТА УПРАВЛІННЯ ЗАХІДНИХ ОБЛАСТЕЙ УРСР НА ЗАВЕРШАЛЬНОМУ ЕТАПІ ДРУГОЇ СВІТОВОЇ ВІЙНИ В КОНТЕКСТІ ЕФЕКТИВНОСТІ ПОЛІТИЧНОГО ФУНКЦІОНУВАННЯ СТАЛІНСЬКОГО ТОТАЛІТАРНОГО РЕЖИМУ

Розкрито сутнісні риси політичного режиму, який відновлювався в західних областях України на завершальному етапі Другої світової війни, який можна визначити як лівоекстремістський різновид тоталітаризму – сталінізм. Показано основні складові ефективності функціонування сталінського тоталітарного режиму, що ґрунтувалися на масовому використанні політичного насилля й терору через розгалужену структуру репресивно-каральних органів. Вказано на пріоритети кадрової політики радянського режиму як чинника забезпечення його ефективного функціонування через залучення на керівні посади прибулих зі східних регіонів УРСР та СРСР партійних, радянських, господарських працівників, співробітників органів внутрішніх справ, державної безпеки, прокуратури, суддів, які пройшли відбір та належали до номенклатури партійних комітетів відповідного рівня.

Ключові слова: Західна Україна, сталінський тоталітарний режим, органи влади та управління, ефективність політичного функціонування, кадрова політика.

Актуальність та постановка проблеми. Пропонована до уваги тема дослідження видається актуальною в теоретико-методологічному та політико-прикладному вимірах. Потрібно не тільки проаналізувати політико-правові та інституційно-процедурні механізми формування кадрового складу органів влади та управління через призначення на керівні посади у відновлених партійних, радянських, господарських та інших органах влади та управління західних областей УРСР

у ході їх звільнення від нацистської окупації в січні-жовтні 1944 р. як важливої умови забезпечення ефективності функціонування сталінського тоталітарного режиму в умовах завершення розгрому нацистських загарбників та розгортання боротьби з відділами УПА та підпіллям ОУН, але й виявити наслідки такої політики для подальшого розвитку західноукраїнського регіону, зокрема на сучасному етапі відновлення засад демократичної Української держави.